

Ф. В. Булгарин

**Россия в историческом,
статистическом,
географическом и
литературном отношениях**

Истории, Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Б90

Б90 **Булгарин Ф.В.**
Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях: Истории, Часть 1 / Ф. В. Булгарин – М.: Книга по Требованию, 2013. – 344 с.

ISBN 978-5-518-06102-6

Ручная книга для русских всех сословий.

ISBN 978-5-518-06102-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНІЕ.

Пишу я Исторію Русскую для *всѣхъ сословій Русскаго народа*, т. е. для людей, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ образованности и просвѣщенія; по этой причинѣ надлежало мнѣ составить собственную свою систему, или методу изложенія. Я не хотѣлъ, чтобъ мои читатели, занимаясь моею Русскою Исторіею, заглядывали въ другія книги, чтобъ они припоминали читанное, справлялись или научались въ другихъ Авторахъ, и потому, для сохраненія единства въ историческихъ взглядахъ, я ввелъ въ мою Русскую Исторію всѣ важнѣйшія всемірныя событія, имѣвшія прямое или косвенное вліяніе на *Славянъ* и на *Русскихъ*. Я представилъ также краткіе, но полные очерки Вѣры, законодательства, правленія, управленія, нравовъ и обычаевъ различныхъ народовъ, бывшихъ въ прѣлмыхъ или косвенныхъ сношеніяхъ съ нашими предками, *приводя все къ одному знаменателю*, моему предмету, чтобъ читатели видѣли, что у каждаго изъ этихъ народовъ и у предковъ нашихъ свое, оригинальное, что заимствованное и что всѣмъ имъ общее. Отъ этого образа изложенія произтекаетъ та выгода, что каждая историче-

ская эпоха представляется въ своемъ подлинномъ характерѣ, что причины объясняются сами собою, а послѣдствія, или результаты, ведутъ всякаго къ собственнымъ заключеніямъ. Читатель по неволѣ долженъ думать; разсуждать и поучаться. Потому-то я удерживался отъ всякихъ философическихъ сентенцій и нравственныхъ поученій, вѣря, что Исторія должна наставлять сама собою, т. е. что читатели должны извлекать наставленія изъ событій и характера исторической эпохи, а не изъ мудровапій Автора.

Я позволилъ себѣ только разсуждать о дѣйствительности событій, потому именно, что пользуясь почти тѣми же историческими источниками, которые были у моихъ предшественниковъ, я открылъ въ сихъ источникахъ новыя стхія, новыя качества и свойства. Многое, что до меня почиталось истиннымъ, кажется мнѣ ложнымъ или сомнительнымъ; многое что считалось ложнымъ или сомнительнымъ, не заслуживающимъ вниманія, принято мною или за истинное, или за важное *вспомогательное*, или за достойное особеннаго вниманія. Прежде нежели я принимаю показанія Писателей древнихъ, среднихъ вѣковъ и новаго времени, я разсматриваю: 1) кто онъ былъ; 2) какъ былъ образованъ; 3) къ какой принадлежалъ вѣрѣ, сектѣ или политической и литературной партіи; 4) гдѣ писалъ и подѣ какими условіями, или вліаніемъ; 5) въ какихъ отношеніяхъ находился

къ народу, котораго событія описывалъ; 6) какими источниками пользовался; 7) былъ ли самовидцемъ, или писалъ по слухамъ; 8) въ чьихъ рукахъ хранилась рукопись до напечатанія или до обнародованія ея. Разбирая такимъ образомъ источники, я удостовѣрился, что весьма многія событія, описанныя Византійскими Историками, и Западными Латинскими Лѣтописцами, представлены въ ложномъ видѣ, и что нѣкоторые новые изслѣдователи ввели весьма много заблужденій въ первыя эпохи нашей Исторіи, принимая показанія древнихъ Писателей и Лѣтописцевъ среднихъ вѣковъ *въ буквальный смыслъ*, или толкуя событія, сообразно ложному направленію Исторіи въ XVIII вѣкѣ. Для отысканія истины, я употреблялъ всѣ извѣстныя средства и всѣ системы, призывавъ *здравый смыслъ* на помощь памяти и наукъ. Разбирая всемірныя событія и гражданскій бытъ всѣхъ народовъ, при свѣтлѣнникѣ *здраваго смысла*, я старался открыть, что вѣроятно, что правдоподобно, что истинно, что ложно, что сомнительно; что быть могло, чего быть не могло, чему быть надлежало и что было неизбежно. Основываясь въ моихъ сужденіяхъ на событіяхъ, съ величайшею осторожностью употребляю я *аналогію*, или подобіе, и *этимологию*, или словопроизводство, для распутыванія дѣлъ запутанныхъ, и въ такихъ случаяхъ не довольствуюсь изложеніемъ однихъ результатовъ моихъ изысканій, но, такъ

сказать, *работою* передъ глазами моихъ читателей, и предоставляю имъ самимъ рѣшать спорные вопросы, придерживаясь моего мнѣнія или отвергая его.

Всѣ наши Русскіе Историки, особенно новые (отъ Карамзина включительно), въ числѣ *историческихъ источниковъ* своихъ, упоминаютъ о народныхъ сказкахъ, преданіяхъ, пѣсняхъ, поговорицахъ, повѣрьяхъ и суевѣрїяхъ, а *ни одинъ изъ Историковъ* не пользовался ими, какъ *источниками!* Наши Писатели иногда приводили сіи священные остатки старины только въ литературномъ отношеніи или въ примѣръ древняго слога. Напротивъ того, всѣ наши новые Историки вмѣняютъ себѣ въ особенную обязанность отвергать не только *преданія*, но и *самую Исторію*, когда Лѣтописцы основывали свои повѣствованія на *преданїяхъ*. Въ этомъ новые Писатели наши полагаютъ свою дальновидность и свою историческую критику.—Я ввожу въ мою Исторію преданія, сказки, повѣрья и мнѣя не только наши собственные, но и соседнихъ народовъ, потому что при сухомъ, неудовлетворительномъ и запутанномъ изложеніи Исторіи среднихъ вѣковъ современными имъ Лѣтописателями, преданія, сказки и повѣрья народные суть единственные источники для описанія нравовъ, обычаевъ и образованности народа, въ его первую историческую эпоху. Въ историческомъ отношеніи преданія, сказки и повѣрья

суть то же, что *примиты* въ степяхъ безлюдныхъ и бездорожныхъ. Я изложилъ хотя кратко, но довольно подробно исторію Сагъ Исландскихъ и Скандинавскихъ преданій, и истолковалъ важнѣйшія Славянскія преданія, и въяснилъ смыслъ историческій и нравоописательный, потому что этотъ предметъ у насъ мало извѣстенъ, и представленъ въ ложномъ цвѣтѣ Писателями, пользующимися довѣренностью публики. Моя главная цѣль состоитъ въ томъ, чтобъ распространить какъ можно болѣе полезныхъ свѣдѣній между моими соотечественниками, а потому я не стѣснялъ своего изложенія *опредѣлительными системами*, но рассказывалъ все, что только полагалъ не излишнимъ къ совершенному познанію Исторіи нашего отечества и Славянскаго племени. Я желалъ, чтобъ читатели мои знали предковъ нашихъ *Славянъ* и народъ *Русскій не по наружности*, но чтобъ знали ихъ *нравственно*, т. е. знали умъ, душу и сердце народа. — Для этого необходимо нужно знать, какъ народъ мыслить, какъ чувствовалъ, чему и во что вѣрилъ, и какъ понималъ и объяснялъ отвлеченные предметы, въ каждую эпоху своей Исторіи. При изслѣдованіи сихъ важныхъ частей Исторіи, народныя вымыслы и заблужденія (т. е. преданія и мифы) не только не мѣшаютъ дѣлу, напротивъ того, помогаютъ ему, ибо хотя бы даже мифическіе герои и баснословныя преданія вовсе не существовали, они служатъ доказательствомъ, что

въ народѣ существовали *идеи*, а *нравственная жизнь* народа состоитъ изъ *идей*, слѣдовательно изслѣдованіе ихъ ведетъ къ объясненію цѣлой *жизни* народа. Событія или факты историческіе суть только *формы*, въ которыя вливается эта *жизнь*.

Ученый міръ состоитъ изъ мужей, дѣйствующихъ *памятью* и *умомъ* (*), и изъ людей дѣйствующихихъ механически *памятью* и *глазами*. Первые полагаютъ славу свою въ томъ, чтобъ *мыслить*, *созидать* и *извлекать отсюду истины* на пользу науки и роду человѣческому. Вторые каждое новое мнѣніе современниковъ почитаютъ за ученую ересь, не ищутъ нигдѣ *мыслей*, *не мыслятъ сами*, и обязанность ученаго полагаютъ въ томъ только, чтобъ собирать множество чужихъ мнѣній объ одномъ предметѣ. До-

(*) Изъ числа новыхъ изыскателей Исторіи русской между чужеземниками, заслуживаютъ вниманіе и благодарность вашу : Академики *Лербергъ* и *Кругъ*, *Френъ* и бывший Ректоръ Дерптскаго Университета *Эверсъ*. У нихъ должно поучаться, какъ пользоваться *источниками*, для объясненія темныхъ мѣстъ Исторіи. Изъ отечественныхъ изыскателей Исторіи важны и замѣчательны труды: Высокопреосвященнаго Евгенія, А. Н. Оенина, М. Т. Каченовскаго, П. М. Строева, К. Ф. Калайдовича, А. Х. Востокова, Барона Г. А. Розенкампа, П. Г. Буткова, Д. И. Языкова, П. И. Кеппена, Н. С. Арцыбашева; изъ Польскихъ ученыхъ чрезвычайно важны изысканія *Фаддея Чацкаго*, *Графа И. О. Потоцкаго*, *Бантке*, *Раковецкаго*, *Л. Суrowецкаго*, *Линде*, *Мацѣевскаго*; между западными Славянскими учеными важны труды *Добровскаго*, *Кошцара*. *Шаффарника*, *Ганки* и некоторыхъ другихъ.

стоинство сочиненія и ученость сочинителя они поставляютъ во множествъ выписокъ (цитатъ) изъ другихъ сочиненій, особенно изъ древнихъ и малоизвѣстныхъ. Эти господа *каталожные* ученые, безъ сомнѣнїя, вооружатся противу моего труда, потому что я не хотѣлъ испещрять страницъ выписками и ссылками, хотя бы могъ подъ каждымъ періодомъ выставить ихъ по нѣскольку, ибо пользовался при своей работѣ множествомъ источниковъ. Я выставялъ ссылки и называлъ другихъ Авторовъ въ самомъ текстѣ *только въ крайней необходимости*, когда мнѣ надлежало представить мысль или событіе вопреки утвердившемуся мнѣнію, или подкрѣпить событіями новые виды въ Исторіи. Но я готовъ защищать *ссылками* каждое мое слово предъ Гг. Учеными, ибо не осмѣлился сдѣлать ни одного предположенія, не дерзнулъ представить ни одной моей мысли, не изучивъ прежде предмета и не справясь съ источниками.

Нѣкоторымъ изъ Гг. Ученыхъ, быть можетъ, не понравится сліяніе *Славянской и Русской Исторіи съ Исторіею другихъ народовъ*. Я не могъ иначе сдѣлать, слѣдуя моему плану, и въ защиту его представляю мнѣніе ученаго Сизмонди, объ Исторіи. Книга его вышла въ свѣтъ позже моего плана, слѣдовательно я не заимствовался у Французскаго Писателя; но мнѣ пріятно сойтись въ мнѣніи съ Европейскимъ ученымъ о столь важномъ предметѣ, и найти защитника

въ человѣкѣ, стяжавшемъ своими историческими трудами общее уваженіе. Вотъ что говоритъ Сизмонди (см. *Historie de la chute de l'Empire Romain et du Déclin de la civilisation, de l'an 250 a l'an 1000, par I. C. L. Simonde de Sismondi, Associé étranger de l'Institut de France, de l'Académie Imperiale de Saint-Petersbourg etc. etc. Bruxelles et Londres 1836 pages 505 et 506*).

«Слабость ума человеческого препятствуетъ намъ понимать и представлять себѣ ясно событія, которыя не соединяются между собою, повѣствованія, которыя не связуются, результаты, которые не прикрѣпляются къ общему дѣлу. — Безпрерывный трудъ нашего разумѣнія состоитъ въ томъ, чтобъ приводить въ порядокъ представляемые ему разнообразныя предметы, и создать изъ нихъ систему, чтобъ послѣ нее себѣ усвоить. Это есть начало той потребности *основнаго единства* въ дѣлахъ разума, симетріи въ художествахъ и системы въ наукахъ. *Сіе единство*, къ которому должны прикрѣпляться всѣ отдѣльныя части, находится, вообще, болѣе въ нашихъ умственныхъ способностяхъ, нежели въ дѣлѣ или въ вещи. Наше разумѣніе тогда только отвергается къ принятію новаго познанія, когда мы попадаемъ на это *единство*. Даже самыя слова *понимать, постигать, обнимать умомъ*, означаютъ это дѣйствіе разума.»

«Но изъ всѣхъ человѣческихъ познаній, *Исторія* болѣе прочихъ, кажется, противится этому

единству въ очеркъ. Пронсшествія, независящія другъ отъ друга, смѣшиваются непрерывно, причины сливаются съ послѣдствіями, и послѣдствія дѣлаются, въ свою очередь, причинами. Множество дѣлъ, чуждыхъ одно другому, перемѣшиваются, не соединяясь между собою и не сосредоточиваясь. Исторія одного человека или одного народа можетъ представить уму, по крайней мѣрѣ, подпору, центральную точку зрѣнія, у которой можно соединить все предметы. Но когда мы хотимъ узнать истину изъ свѣпленія событій или фактовъ, то должно отказаться даже и отъ этого средоточія; надобно сознаться, что народъ почти никогда не существуетъ *отдѣльно*, следовательно и Исторія каждаго народа не можетъ быть *отдѣлена* отъ Исторіи другихъ народовъ. Все эпохи связуются, все причины соединяются между собою и все народы дѣйствуютъ взаимно другъ на друга. Народъ, частное лице или эпоха, отдѣльно взятые и заключенные въ особой рамѣ для того, чтобъ обратить на нихъ непосредственное вниманіе, сосредоточить на нихъ взгляды, покажутся въ лучшемъ видѣ, *въ отношеніи къ искусству*, но самый предметъ будетъ рассмотрѣнъ уже не такъ совместно *въ отношеніи къ истинѣ*. Когда хотимъ знать истину, во всей ея полнотѣ, когда желаемъ извлечь изъ Исторіи все наставленія, которыя она можетъ намъ представить, должно пользоваться ею въ такомъ видѣ, какъ она есть, въ

видъ узорчатой ткани, въ которой нити проходятъ отъ всѣхъ концовъ, независимо другъ отъ друга, и въ которой нѣтъ ни конца ни начала.» (*)

Отыскивая истину до всей ея полноты, для извлеченія изъ Исторіи всѣхъ возможныхъ представлений и не представляя Исторіи Русской въ *особой рамѣ*, *отдѣльно* отъ всѣхъ другихъ Исторій, я, однакожь ткаю мою историческую ткань такимъ образомъ, что все нити приходятъ къ одному центру и расходятся изъ него. Въ этомъ центрѣ *Славяне* и *Россія*.

По этой методѣ объясняется, въ нашей Исторіи, весьма многое, что при самомъ краснорѣчи-

(*) La faiblesse de notre esprit ne saurait concevoir ou se représenter avec clarté des faits qui ne se lient point entre eux, des récits qui ne s'enchaînent point, des résultats qui ne s'attachent point à une cause commune: Le travail constant de notre entendement lorsqu'on lui présente une variété d'objets, tend à les classer, à les réduire en système pour pouvoir les admettre. C'est le principe de ce besoin d'unité fondamentale dans tous les ouvrages de l'esprit, de ce besoin de symétrie qui se retrouve dans toutes les beaux-arts, de ce besoin de système pour coordonner toutes les sciences. Cette unité à laquelle toutes les parties doivent se rattacher est en général moins dans les choses que dans nos propres facultés. Ce n'est qu'au moment que nous l'avons trouvée que notre intelligence s'ouvre à une nouvelle connaissance. Le mot même de concevoir, accueillir ensemble, indique cette opération de l'esprit. Mais, de toutes les connaissances humaines, celle qui semble se refuser le plus à cette unité de dessin, c'est l'histoire. Des événements indépendants les uns des autres s'y compliquent sans cesse, les causes se confondent avec les effets, et les effets deviennent causes à leur tour, des milliers d'intérêts étran-